

Память, история, политика в Польше и на Украине: подходы к интерпретации переселенческо-депортационных акций 1944–1947 гг.

Анна Романовна Лагно, Институт славяноведения
Российской академии наук, Москва, Российская Федерация;
e-mail: lagnoaanna@gmail.com

Ключевые слова: репатриация, эвакуация, принудительная миграция, польская историография, украинская историография, Вторая мировая война, польско-украинский конфликт 1939–1947 гг., Волынская резня, Украинская повстанческая армия, операция «Висла»

Memory, History, Politics in Poland and Ukraine: Approaches to Study of Forced Migration 1944–47

Anna R. Lagno, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia Federation;
e-mail: lagnoaanna@gmail.com

Keywords: repatriation, evacuation, forced migration, Polish historiography, Ukrainian historiography, World War Two, Polish-Ukrainian conflict 1939–47, Massacres of Poles in Volhynia, Ukrainian Insurgent Army, Operation *Vistula*

В межвоенный период отношения с национальными меньшинствами у польского государства складывались весьма неоднозначно, Вторая мировая война осложнила их еще больше. Власти Третьего Рейха проводили политику подавления национального самосознания поляков, при этом активно использовали национальные разногласия и сепаратистские настроения украинского населения многоэтничной Второй Речи Посполитой¹. На Тегеранской конференции союзники по антигитлеровской коалиции в общих чертах договорились

о послевоенных границах Польши между «линией Керзона» и р. Одер. Таким образом, в качестве компенсации за утрату довоенных территорий на востоке Польша получала немецкие земли на западе. Проблему национальных меньшинств не только в Польше, но и в целом ряде других стран, союзники рассматривали на Потсдамской конференции, где на самом высоком уровне была поддержана идея переселений. Украинское население должно было переехать в СССР, а немецкое — в пределы Германии; в свою очередь, поляков активно поощряли переселяться с тех территорий, которые более не принадлежали польскому государству. В условиях военного и послевоенного времени обмен населением не мог проходить гладко в плане организации, часто он сопровождался запугиванием и насилием.

Современное состояние исследований этих проблем, а также многотомные публикации документов, подготовленные польскими и украинскими историками, дают возможность, с одной стороны, углубиться в детали и воссоздать события чуть ли не каждого дня, с другой же стороны, ознакомление со всем этим массивом информации является своего рода вызовом для любого исследователя. Прежде чем охарактеризовать состояние исторических исследований в области переселенческо-депортационных акций 1944–1947 гг., представляется немаловажным сперва задаться вопросом: почему эта тема столь популярна? Ответ на него позволит не только описать различия в интерпретациях профессиональным сообществом историков двух стран сложного совместного прошлого, но и поразмышлять на тему взаимосвязи истории, памяти и политики.

Проблематика переселенческо-депортационных акций 1944–1947 гг. на польско-украинском пограничье имеет богатую научную литературу, попытка обобщить которую уже не раз предпринималась польскими и украинскими историками². Любопытно, что заголовки историографических статей указывают на повышенный интерес к финальному

эпизоду этих процессов: операции «Висла» 1947 г. История переселений связана также и с двумя другими темами, относительно которых существуют значительные расхождения в интерпретациях среди польских и украинских историков: трагическими событиями на Волыни и в Восточной Галиции 1943–1944 гг. и деятельностью Украинской повстанческой армии на этих территориях³.

В советское время тема переселений 1944–1947 гг. была табуирована, она не только не являлась предметом специальных исследований профессиональных историков, но и сами переселенцы предпочитали лишней раз не рассказывать об этих событиях. После распада СССР и социалистического лагеря стало возможно открыто говорить о «белых пятнах» истории, о фактах, которые в силу идеологических причин, замалчивались или интерпретировались односторонне; появилась масса воспоминаний свидетелей событий 1940-х годов как с польской, так и с украинской стороны. Очевидно, что мемориальные дискурсы различались, в каждой стране концентрировались на собственном прошлом и в основном на собственных страданиях.

Для польской стороны переселения с Восточных кресов имеют прямую связь с деятельностью УПА на польско-украинском пограничье. В воспоминаниях поляки подчеркивали, что они вынуждены были оставить свою родную землю из-за боязни быть убитыми «бандеровцами»⁴. Ключевые трагические события в этом контексте — это этнические чистки на Волыни и в Восточной Галиции 1943–1944 гг. Украинцы тоже не желали переселяться в УССР, оставлять свои дома и могилы предков, но вынуждены были пойти на это вследствие «жестокости террора польско-большевистских банд»⁵. Воплощением трагизма переселений и всех страданий украинцев в Польше стала операция «Висла» 1947 г. И поляки, и украинцы, пережившие этот травматический опыт, смогли солидаризироваться, объединиться в организованный

коллектив и создать формы коммеморации, передающиеся из поколения в поколение. Как полагает исследователь исторической памяти А. Ассман, именно от этого зависит «обретет ли жертвенная память социальной группы форму коллективной и культурной памяти», поскольку невинным жертвам необходимо сочувствие, а память о перенесенных страданиях нуждается в «публичном признании и общественном резонансе»⁶.

Польские и украинские общественные организации с начала 1990-х гг. пытались оказать давление на польские или/и украинские местные и центральные власти с тем, чтобы трагические события 1940-х гг. получили соответствующую оценку (и желательно на самом высоком уровне), чтобы преступники были заклеимены, а память о жертвах — увековечена. С особенной остротой эти вопросы обсуждались накануне годовщин соответствующих событий, и если в 1990-е гг. доминировал либеральный дискурс в истории, апеллирующий к взаимному прощению и признанию ответственности за темные страницы своего прошлого, то с началом нового столетия начался консервативный ренессанс, адепты которого требовали не каяться, а защищать доброе имя своего народа⁷. Обсуждение трагических событий прошлого очевидцами, их потомками и политиками не могло не привлечь профессиональных историков. Хотя воспоминания не являются надежными историческими источниками, но все же «история» и «память» неразрывно взаимосвязаны: «мемориальная культура слепа без исторической науки, а историческая наука пуста без взаимодействия с памятью»⁸.

В настоящее время высокая конфликтность при обсуждении совместного исторического прошлого между соседними польским и украинским народами сохраняется. Как считает украинский историк Г.В. Касьянов, это связано с тем, что в силу различных причин и в Польше и на Украине доминирует запрос на классический национальный исторический

нарратив, который предполагает «особое внимание жертвенно-виктимным и героическим аспектам национальной истории»⁹, что не способствует лучшему пониманию другой стороны и избавлению от взаимных негативных стереотипов.

Примечания

¹ Польша в XX веке. Очерки политической истории / под ред. А.Ф. Носковой. М., 2012. С. 289.

² *Цепенда І.Е.* Операція «Вісла» в польській історіографії // Український історичний журнал. 2002. № 3. С. 84–93; *Sowa A.* Akcja “Wisła” w polskiej historiografii — aktualne problemy badawcze // Akcja “Wisła” / ed. J. Pisuliński. Warszawa, 2003. S. 12–25; *Bortnik K.* Akcja “Wisła” na tle badań ukraiноznawczych w polskiej historiografii powojennej — zarys problematyki // Biuletyn Ukrainoznawczy. 2005. 11. S. 127–179; *Ільющин І.* Переселенческо-депортаційні акції 1944–1947 гг. на українсько-польському пограниччі: дискусійні питання в новітній українській історіографії // Журнал російських і східноєвропейських історических досліджень. 2012. № 4 (1). С. 83–91.

³ См., напр.: *Сергіїчук В.* Трагедія українців Польщі. Тернопіль, 1997; *Przed akcją “Wisła” był Wołyń* / pod red. W. Filara. Warszawa, 2000; *Siemaszko W., Siemaszko E.* Ludobójstwo dokonane przez ukraińskich nacjonalistów na polskiej ludności Wołynia. Warszawa, 2000. T. 1–2; *Ільющин І.* ОУН-УПА і українське питання в роки Другої світової війни (в світлі польських документів). Київ, 2000; *Мотыка Г.* От волынской резни до операции «Висла». Польско-украинский конфликт: 1943–1947. М., 2014.

⁴ См., напр.: *Białowąs J.* Krwawa Podolska Wigilia w Ithrowicy w 1944 r. Lublin, 2003. S. 52.

⁵ См., напр.: *Депортації. Західні землі України кінця 30-х — початку 50-х рр.: Документи, матеріали, спогади* / ред. Ю. Сливка. Львів, 2002. Т. 3. С. 25 и др. воспоминания в этом томе.

⁶ *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М., 2014. С. 77–79.

⁷ *Dudek A.* Political Assessment of the Past in Poland // Europe and Latin America — looking at each other? Warsaw, 2010. P. 303–330; *Миллер А.* Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти. «Секьюритизация памяти»: историческая вина в руках политических антрепренеров // *Полития*. 2016. № 1 (80). С. 111–121.

⁸ *Ассман А.* Забвение истории — одержимость историей / пер. с нем. Б. Хлебникова. М., 2019. С. 245.

⁹ Подробнее см.: *Касьянов Г.В.* Украина и соседи. Историческая политика. 1987–2018. М., 2019. С. 218–239.

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.23

**Образ героя-воина
в сербском национальном самосознании:
к постановке вопроса***

*Дина Дмитриевна Копанева, Татьяна Германовна Черных,
Ксения Александровна Костоусова*, Санкт-Петербургский
государственный университет, Санкт-Петербург,
Российская Федерация; e-mail: st036379@spbu.ru

Ключевые слова: Сербия, национальное самосознание, герой-
воин, воин-защитник, Косово, историческая память

**The Image of Hero-Warrior
in Serbian National Self-Consciousness:
On a Formulation of the Question**

Dina D. Kopaneva, Tatyana G. Chernykh, Ksenia A. Kostousova,
St. Petersburg State University, St. Petersburg,
Russian Federation; e-mail: st036379@spbu.ru

Keywords: Serbia, national self-consciousness, hero-warrior,
warrior-defender, Kosovo, historical memory

В исторической памяти сербского народа особое место занимает образ воина. Его кристаллизации немало способствовали военные конфликты, в которые была вовлечена Сербия на протяжении всей своей истории. Большая их часть носила

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации в рамках научного проекта № МК-1715.2019.6 «Образ героя в дискурсе национального самосознания сербского народа».